

ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ
7 '88

МОЙ 88-НАЗАД
В...

Дмитрий Манасыпов

16+

Дмитрий Манасыпов

Мой 88-ой: назад в...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56559911

SelfPub; 2020

Аннотация

Из 2020 – в 1988. Обычный офисный сотрудник, пишущий вечерами фантастику, в необычных обстоятельствах – без денег, без документов, без Википедии для справок, без профессии и мастерства, без везения и харизмы, как у Скалы, в общем, одетый, но как голый в толпе. И что делать? Спасать СССР? Ктулху упаси, без того дел предостаточно. Надо слиться с людьми, нужно найти чем заняться, необходимо... Необходимо понять – стоит ли пытаться помогать своим и изменит ли это как-то его самого, не пропадет ли сам в петле времени, не сделает ли он хуже тем, кого любит? Умение трепать языком, кое-какие воспоминания, вера в себя, в СКВ, в жизненный опыт и в лихие девяностые, что не за горами.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	27
ССД-1 (немного ностальгии)	37
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

– Здравствуйте. Я по поводу моего заявления о пропаже...

– Здравствуйте, я помню. Гражданин, пропавший посреди бела дня.

– Скажите, что-то делается?

– Конечно. Как только появится информация, мы с вами свяжемся.

– Прошло почти полгода.

– Да. Мы не бросили этого дела, регулярно связываемся с коллегами, собираем информацию.

– Человек пропал, а вам все равно.

...

– Молчите, сказать нечего?

– Вы курите?

– Курю, а что?

– Пройдемте сюда, пожалуйста, у нас в кабинете курить нельзя, а там и поговорим.

...

– Спасибо. Что вы хотели сказать?

...

– Ну?!

– Вы сами там были. Видели, как стоят камеры, их там несколько. На этом, как его, Доме детского творчества, сразу две штуки. На лаборатории, через дорогу, еще одна.

– И что?

– Вы смотрели эти записи? Так?

– Смотрела.

– Раз смотрели, то помните – был и все, не стало. Если бы проезжала машина, можно было бы предположить похищение с какой-то там целью. Но машины не было, вот автобус, закрыл его на несколько секунд, а когда проехал – уже никого нет.

– Так не бывает.

– Не бывает, согласен, но случилось. Его даже запомнила одна женщина, её опросили, она дала показания. А мать с сыном, сидевшие за ней, не видели никого. Понимаете?

– Глупость какая-то, вот что понимаю. Дайте прикурить, пожалуйста... Спасибо. Вам самому ясно – такое невозможно.

– Согласен, но... Извините, служебный звонок. Да, Серёг, сейчас иду. Да иду, говорю. Извините, пожалуйста, мне надо работать.

– А как нам быть?

– Вам?

– Нам. Как нам всем быть, когда сын, муж, отец, брат – просто пропал, не фиксируясь на камеры вокруг... Нам как быть?

– Честно?

– Конечно, честно.

– Я не знаю. Я тоже смотрел эти записи, я их наизусть вы-

учил, бл... Извините. ДДТ этот, угол соседнего дома. Он там встал, закурил, оглянулся на лабораторию, задумался, судя по всему. Дождь крапает, хотя его не видно, гром, судя по всему, с молнией (женщина шла по тротуару напротив, испугалась) автобус проехал, закрыл его и...

– Я видела.

– Ну, вот... Вы поймите – мы делаем что можем, но в данном случае что можно еще? Если бы вдруг погиб – всплыло бы тело, но его же нет.

– Нам радоваться теперь?

– Да.

– Чему?

– Тому, что жив.

– Жив?

– Ну, вы интересная женщина... Да. Тому, что жив, надеюсь. А вот где он жив и находится, вы уж извините, не скажу. Я просто следак, а не экстрасенс.

Глава 1

Многие, вроде бы, видели свет в конце тоннеля. А я вот, например, нет. Вспышка – да. Такую не пропустишь! Да и как, если молния ударила то ли в тебя, то ли рядом. Боль, свет резкий-резкий, даже страшно. И глаза открыть тоже страшно, но надо. Открываешь и...

Наши привычки дело благое, хотя частенько и очень пагубное. И речь не совсем о сигаретах, велосипеде на трассе без средств защиты или пельменей побольше-пожирнее. Привычки же разные.

Раз в полтора месяца, а если план продаж не выполняется, то чуть раньше, устраиваю... устраивал, себе как бы отдых. Одеться удобнее, выбрать, что надо вернуть маме из книг, взятых в прошлый раз, и вперед – в гости, домой. На электропоезде, с наушниками и музыкой. Тупо едешь, слушаешь, отдыхаешь душой и мозгами. Даже если дачники (а их сейчас ого-го, не смотря на всякие ковидлы) то никак не мешают. Выходи в тамбур и стой там, смотри в окно, где все такое знакомое.

Когда ты молод, глуп и не видал больших... проблем, мысли в основном – как бы быстрее свалить куда-то, где обязательно счастье, все ништяк, бабло и отличная жизнь. Все тебя так и ждут, чтобы помочь строить будущее. А вот сейчас

едешь, смотришь в окно и вспоминаешь каждую эту остановку, некоторых из людей с таких же электронов, и как-то все видится иначе.

Вон, тетка с лимонадом, кириешками, мороженым и остальным, снова идет по вагонам. Она и двадцать лет назад ходила, разве только похудела неожиданно. А так...

– Чипсы, минералка, орешки!

Не купить пакет арахиса, в два раза дороже чем в магазине станции – грешно. Вот на таких она процентов тридцать своего плана и выполняет. В отличие от меня, немолодого дурака, вместо счастливой беззаботной жизни впахивающего на дядю. Не, не подумайте, что ворчу, завидую или задумываюсь о революции. Просто констатирую факт, не больше.

Два часа – и приехал. Город Отрадный, Самарская область, вроде бы и сильно поменявшийся за двадцать с небольшим лет, а вроде и нет. Тут пешком с завязанными глазами идти можно, как Маэстро без карты летать собирался, все знаешь. Хочешь кого-то встретить из старых знакомых, суббота на дворе – выйди на Победу, все равно кто-то пойдет на рынок, традиция.

Я остановился покурить рядом с кинотеатром. Вернее, бывшим кинотеатром имени Ленинского комсомола, последние лет пятнадцать ставшим ДДТ, Домом Детского Творчества. Помню, в детстве, любил сюда ходить. «Смерть среди айсбергов», «Квентин Дорвард», «Мио, мой Мио», чуть позже «Фанат», само собой и, вишенкой на торте, «Рэм-

бо». Это уже было в России, последний фильм с отцом.

Воздух пах дождем, небо серело и, вообще, июль в этом году оказался совсем не жарким. Даже кофту не снимал, так, засучил рукава, расстегнулся и нормально. Где-то ворочался, громыхая, гром и, наверное, стоило ускориться, чтобы успеть к маме до ливня.

Знакомых, кстати, не встретилось. Жаль, но что поделать, да и толку ведь немного. Вопросы одни и та же – как дела, где работаешь, к маме приехал? Вроде встретишь человека, думаешь – сейчас что-то интересное узнаешь, может, даже хорошее. А шиш, это сейчас редкость.

Гром зарокотал сильнее, приближаясь все больше, даже поежился от ветра. Затянулся, и тут над головой разорвало небо, треснув просто оглушительно, как штурмовик на форсаже. Вспышка пришла чуть позже, ударив, казалось, прямо в лицо...

– С вами все хорошо, молодой человек?

А?..

– Молодой человек?!

Вы видели свет в конце тоннеля? Я вот, например, нет. Вспышка – да, такую не пропустишь, да и как, если молния ударила то ли в тебя, то ли рядом. Боль, свет такой, что страшно. И глаза открыть тоже страшно, но надо, открываешь и...

– С вами все хорошо?

– Да, спасибо.

Она кивнула и пошла. А я потряс головой и попытался понять – что это сейчас было? М-да...

Сигарета дотлела в пепел, упавший, когда дернул пальцами. Следующую прикурил на автомате, затянулся и задумался. Что-то не шло из головы, что-то настолько странное, что сразу бросилось в глаза. А именно?

Женщина ушла по своим делам, за спиной, чему-то веселась, прошла молодежь, кто-то пересказывал сюжет фильма, я курил, небо все также хмурилось.

«У нее осветленная челка».

Да, у женщины короткая стрижка и осветленная челка, верно. Я, конечно, не знаток стилей с модами, но как-то странно. Так, а сколько у нас времени, ну, на всякий случай. Вон, часы показывают утро, десять с чем-то. Все верно.

Часы. Черная большая коробка на стене санэпидемстанции, что напротив бывшего кинотеатра. Зеленые цифры, моргающие, когда вместо времени на табло непонятные значения. Твою мать, это неправильно. Этих часов, заодно показывающих то ли микро рентгены, то ли милирентгены, тут быть не должно. Совсем не должно, их же сняли в самом конце девяностых, а до этого они несколько лет просто темнели на стене, сломавшись. А повесили их в... в самом конце восьмидесятых, чуть позже Чернобыля, то ли по распоряжению кого сверху, то ли в тон текущей ситуации. Да и сама станция другая, темно-красная, как из детства, нас туда два

раза в год водили на какие-то анализы. Тогда не милосердные мазки брали, а втыкали стеклянные такие трубки в самые нежные детские места, и все за-ради посева. Так, стоп, это никакого отношения к делу не имеет.

Я оглянулся, уставившись на кинотеатр. Именно на кинотеатр, с афишами, сделанными вручную и закрепленными на своих законных местах. Все правильно, их тут всегда было именно две. На одной – расписание детских сеансов, на другой – все остальное.

«Крокодил Данди»?!

Дальше все шло на автомате: прокативший мимо самый натуральный лупоглазый ЛиАЗ, выкрашенный рыжим, странно-удивленные взгляды девчонки из еще одной компании, идущей на фильм о героическом австралийце с большим ножом, надпись «Мы любим БМП» на стене серого кирпичного дома по правую руку и мои собственные ноги, несущие дальше, к площади.

Зачем именно туда? Это я понял не сразу, но порадовался. Чему? Никуда не девшейся логике, решившей поддержать в сложную минуту.

Причем тут она?

На площади, у нефтяного техникума, стоит ларек с газетами. Если сейчас у меня не сон, предсмертные галлюцинации или воздействие неизвестных причин, заставляющих мозг крутить картинки из прошлого, то на ларьке есть правильная надпись.

«Союзпечать».

И там, аккуратно разложенные, газеты и журналы, «Труд», «Комсомольская правда», «Волжская коммуна» и, само собой, местная «Рабочая трибуна». И если все это на самом деле, то хотя бы пойму – где оказался, вернее – когда?

Вы не пишете на досуге книги? Сейчас много кто этим балуется. Я вот, к примеру, пишу. В основном, правда, книгами это назвать сложно. Так, монстроуроды, пострелялки, покатушки, крутые мужики и не менее крутые женщины неброской, но зато настоящей, красоты. Мужики, само собой, все такие реально-брутальные и без перегибов в сторону нагибаторства. Это мне принципы не позволяют, такое писать.

И, как писатель-фантаст, ответственно могу заявить – совершенно не желаю становиться стандартным попаданцем. И дело не в том, что мне хотелось бы в мир сиястых эльфик, испытывающих слабость к офисному хомячью, свалившемуся к ним на головы, ну, либо на другие места. И не в том, что всегда хотел попасть в 1941, нет.

Мне, тупо, и дома хорошо. В своем времени. И такие вот сюжеты, как вокруг, куда интереснее на страницах книг или экране читалки. А тут...

После перекрестка, справа, начинался сквер. И деревья в нем, уже не удивляя, показались меньше, чем помню. Все правильно, некоторые вообще сажали на сорок лет Победы, когда с дедом ходил на крохотный парад, я же помню. Сле-

ва, светлея чистыми белыми фигурами на красном, длинная стела, посвященная людям труда и даже космонавтам. И её помню, её поставили как раз в моем детстве.

Асфальт с трещинами, серый, хотя асфальт везде такой. Я шел и понимал – мозг уже осознал, сообразил и подтвердил, а ты лишь хочешь поставить точку. Почему мозг все понял? Это просто.

Та девчонка, посмотревшая на меня удивленно, одета в настоящую вареную джинсу. И у нее химия на голове.

Во дворе между домами, оставшимися позади, стояла самая настоящая «Татра», краснокабинный самосвал с чуть криво смотрящимися колесами.

Машин почти нет и мимо меня, никуда не торопясь, проехал самый обыкновенный, для прошлого, «космич» цвета изоленты. Ну, то есть 412, выкрашенный в нежно-голубой.

Да даже если бы, вдруг такое случается, все это площадка для съемок нового сериала, они же сейчас модные, про недавнее прошлое, то все не то. Надпись «Мы любим Б.М.П» – настоящая. Будь тут съемочная площадка, или странный карнавал а-ля «Назад в СССР», то криво написали бы «Виктор Цой – Бог земной». Ну, или он еще жив, не помню, не факт. БМП – группа местная, мало кому известная вне своего короткого времени, когда все лабали тяжелый рок. Её, помню, особенно любили в «каблuxe», ПТУ, через которую с мамой ходили на автобус до детского сада. Вот в мою подготовительную группу и запомнил те надписи.

И раз так...

«Союзпечать», бело-синяя, радостно смотрела на меня, наверняка испуганно-возбужденного, и ждала.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Можно «Рабочую трибуну»?

– Да, конечно.

Какие времена, такие и нравы. Газета легла на прозрачное открытое окошко прилавка раньше, чем я хотя бы попытался засунуть руку в карман за деньгами. И, наверное, я должен знать её цену, продавец-то молчит.

– Сколько?

Она удивленно помолчала, прежде чем ответить:

– Три копейки.

– А, точно.

Для вида пришлось похлопать по карманам и даже сделать удивленное лицо:

– Извините, похоже деньги забыл.

Продавец кивнула и убрала печатное, значит, издание. Но не расстроила, положила-то она газетку, как и требовалось, первой полосой ко мне. И, все нужное, я увидел.

Не важно, какая дата. Важно – какой год.

А он был... 1988-ой, такие дела.

И чего теперь делать?

Глава 2

Сигарета – вовсе не выход из проблемы. Но, как пел, и мне тут стыдно, Цой:

– Если есть в кармане пачка сигарет...

Дальше все ясно. Хотя курить одну за одной совершенно не стоит. Во-первых – вредно, во-вторых – не так уж их и много осталось, а в бумажнике... Даже хуже, чем ветер. В бумажнике тысячи полторы разными купюрами Банка России, вот чего там. И пластиковые карты, так...

Мой родной город небольшой, сравнительно молодой, но уже таящий в себе интересные места. Вроде липовой аллейки, прямо за моей спиной, аллейки, утыканной скамейками. Само то, чтобы чуть передохнуть и подумать, приводя мысли в порядок.

Мне повезло – свободная, без милых молодых мам с колясками, пенсионеров и прочих отдыхающих, оказалась прямо у перекрестка с газетным ларьком. Почему повезло? Потому как отсюда хорошо просматривается администрация города, вернее, горисполком, где желтела дежурная машина с мигалками. СССР или нет, возле власти парни, хоть в сером, хоть в черно-красном, будут всегда. Вот и пусть там будут, мне сейчас их внимание лишний раз не нужно.

Закурил, рассматривая трещины на асфальте и машинально поглаживая скамью. Не смог справиться с желани-

ем ощутить крашенный брус, вот ведь. Совсем недавно, казалось, повсюду были именно такие – на чугунных боковинах и с брусками, выкрашенными в два цвета. И похожих много, там, в... в моем времени. А, подишь ты, даже дерево под ладонью другое. Интересно, да уж.

Сигарета тлела, дым полз по лениво-теплому воздуху. Июль в 88-ом оказался таким же, как дома: и не холодно, и не жарко, даже накинуть что-то хочется. Хотя сейчас, наоборот, кофту свою я снял. Всего ничего – обычная черная полуспортивная, на молнии и с капюшоном. Каждый третий, да и каждая третья, такие же носят, кто теплее, кто тоньше, кому цветастее, кому наоборот. А тут – а тут таких же нет, тут олимпийки, с полосками по рукавам или, чаще всего, одноцветные, либо с вставками и настоящие шерстяные, либо хэбэ. Так что нечего светиться, угу.

С чего это мысли такие в голову лезут? Не иначе, проснулась вся накопившаяся конспирология, увиденная в кино с сериалами и прочитанная. Внешний вид наш друг, но, сволочь такая, и враг тоже. Легко выдаст с головой, окажись в социуме, резко отличающемся от привычного. Совсем как сейчас.

С чего начнем? С внешности, конечно. Стрижка короткая, такие сейчас не сильно в моде, тут кто еще донашивает память по «Песнярам», кто стрижется почти под «теннис», а кто-то уже начал делать «площадку». Ничего не поделаешь, уж как есть, так и есть.

Борода... борода, к сожалению, проблема. В Москве еще ладно, там кого не встретишь даже в это время, но тут город маленький и, помнится, вслед бородатым мужикам смотрели почти все, от мала до велика. Это решаемо, хотя – желательнее оперативно.

Кофту в рюкзак. Рюкзак тоже не самый обычный, хотя ничего особенного в нем нет – черный, просторный, по карману сбоку и два основных. Но тут сейчас выбор небольшой: или спортивная сумка, или туристический, типа «Азимута». Тоже решаемо, нужно просто подумать.

Футболка не подкачала, как и брюки. Футболка белая, с синей окантовкой ворота и рукавов, вполне сойдет. А любовь к милитари помогла с брюками. Они, конечно, не часть «афганки», но издалека могут сойти, хотя на них настоящий хаки, меняющий цвет. Португеза старая, надеюсь, в глаза не бросится. А вот заправиться нужно прямо сейчас, никакого рэпа, свободно-американского стиля и прочего пока в помине нет.

Кроссовки... Повезло, купил в спортивном дисконте синие, с красно-белыми вставками и желтоватой подошвой. Издалека – прямо синий «адидас» с тремя полосками. Сойдет.

Я аккуратно затушил сигарету и бросил в высокую литую урну, с крашено-облупленными боками. Уверенно достал пластиковую поллитровку и попил. Убрал и глянул по сторонам. Ага, никто не обратил никакого внимания.

Паранойя, думаете? Я бы на вас посмотрел, окажись вы на моем месте. Так, сидим, стараемся курить меньше и думаем. Думаем о том, что у нас есть и чего у нас нет, причем, в экстремальном ключе. Без всяких там «мозговых штурмов», просто напряжем голову, она же не только для того, чтобы в нее есть.

Нет документов, а тот, что с собой, как хороший фугас с взрывателем. Попади в руки ментов, или кого хуже, капец котенку, срать не будет. Достаточно даты выдачи и органа, что выдал, точно вам говорю.

И второй момент – смартфон. В Отрадном нет секретных производств, на улице вовсю шурует Перестройка, скоро, если правильно помню, начнется этот... парад суверенитетов. Но бдительность правильных госорганов точно имеется, и, опять же попади мой плоский товарищ в руки товарищей в сером, либо к товарищам с горячим сердцем и холодной головой... Я попал. Фотоаппарат, английский язык на комплектующих, диктофон и, самое главное, технология.

Выкинуть?

Мысль, только если честно, я б лучше утопил, чтобы никаким мусорщикам в руки не попало даже по частями. А удостоверение надо сжечь. Жалко, но надо. Ладно, будем решать.

Плейер? Тоже да, на нем есть диктофон, твою мать. Ладно, тоже в утиль.

С тем, что есть из опасного, разобрались. На очереди то,

чего не имеется. Совсем, абсолютно, полностью.

Документы и деньги, деньги и документы. И пусть бабло кажется важным, паспорт куда важнее. Это СССР и 88-ой год. Так... И что у нас получается? Хрень какая-то, скажем честно.

Будь я нормальным попаданцем, из тех, что нигде не пропадут, то щас же бы нашел способ все решить. Растворился бы в толпе, пользуясь выучкой, ведь был бы, на худой конец, бывшим диверсантом. Отыскал бы золото партии... Не, золото Колчака и обеспечил базис. Потом нашел бы верных соратников, таких идейных диссидентов, понимающих, что страна катится в пучину и немедленно кинулся бы спасать. Но я не диверсант и о золоте Колчака ничего не знаю.

Если бы вокруг вдруг оказался бы параллельно-магический мир, то, само собой, у меня неожиданно проснулось вложенной троюродным дедом по бабкиной линии, само собой каким-нито мольфаром, умение с талантом и я бы переделался в натурального Гарри Поттера.

Или, на худой конец, попади я в так себе Средневековье, болтающееся где-то между Темными веками и Ренессансом, то неизменно оказался бы чемпионом Европы и Малых Зажопок по фехтованию, реконом и мастером-джедаем по ИСБ, либо, на худой конец, опять же – крутым, аки яйца, спецназовцем в отставке. И, само собой, стал бы эдаким маркграфом условного Дартаньяка.

Если бы, да «бы» мешает. Я тупо в 88-ом и надо искать

выход из ситуации. Причем, даже не из той, где меня вдруг вяжут местные менты, а простого желания пообедать.

Самое обидное, оно же и смешное, что выход есть. Очень простой – пойти к своим. Скорее всего не домой, а к деду с бабушкой. Думалось мне, что доказать очевидный, хотя и безумный факт моего двойного существования здесь и сейчас – выйдет. Самое странное, что надежда четко говорила о деде, самом отъявленном материалисте из всех мне известных. И она же, надежда, давала пятьдесят процентов на успешный исход задумки.

Но... Но интуиция настойчиво сигналила не дергаться. А её порой слушать необходимо, она не подводит, просто ты сам можешь иногда поторопиться или, наоборот, опоздать. Но если говорит «не иди туда, куда хочется», надо слушать. А раз так, друже, давай искать выход из положения и начнем с самого нужного. Не с паспорта, с бабла.

Иногда полезно таскать с собой казалось бы ненужные вещи. Ну, в целом, зачем мне в двухчасовой поездке хороший складной нож, с зажимом-креплением для пояса из дивной страны Киталя? Колбасу или торт, неожиданно появившиеся на пути, резать? А вот, надо же, может потребоваться.

Неимоверно хотелось закурить еще одну, но, собравшиеся интеллект с логикой настойчиво советовали погодить. А ведь верно, пачка «Кэмела», точнее, «самца», тут определенный показатель и прямо-таки отмычка в неокрепшие людские души.

А еще нужно вспомнить все, касающееся цен на разные товары, вспомнить и пользоваться. Хотя, так-то, единственная правильная мысль касалась рыжей яркой десятки. Червонец, вроде бы, в те времена был куда как хорошими деньгами. Почему нет, если газета меньше пяти копеек, пусть и местная?

А еще... Много всего бы вспомнить, а не получится. Мелочи стираются, вылетают из головы легко, как деньги из кармана в нулевые. Совершенно не помню, как тут с матом, к примеру, но уверен – его немного меньше. Наверное. Сленг, жаргонизмы и остальное, могут быть важны, а их с ходу не вспомнишь. Вертится в голове «кенты», а вот когда их применяли, хоть убей, не помню. Ладно, это все наживное.

Если много лет отработал в продажах, вполне понимаешь самое главное в своей работе. И это, к слову, вовсе не правильное планирование, анализ конкурентной среды, категорирование АБЦ и прочая шелуха из методичек с курсами личностного роста. Самое главное – уметь говорить, слушать и понимать. И делать нужные выводы как можно быстрее, подстраиваясь под собеседника, выискивая эрогенные зоны опухшего гондураса самолюбия. Вот как сейчас, например.

Тупые понты всегда дороже денег. Аксиома, чего уж, чье доказательство шло по тротуару напротив, явно выйдя из нефтяного техникума. Доказательство оказалось юношей под двадцать, упакованное в светлую рубашку на молнии и с клепами на карманах, джинсы с хорошо заметным малино-

вым лейблом «Мильтонс», те самые синие «адидас» и в очках. Этакую модную копию Рей-Бан, таскаемых Коброй Сталлоне, то есть «капли». Почему понты? Потому что неснятая наклейка, итальянский флажок, так и бросалась в глаза на левом стекле.

Время всегда разное, а вот мажоры везде одинаковые. В свои текущие восемь по местному счетчику вряд ли обратил внимания на такого кадра, а вот, вишь ты, сейчас сразу увидел.

Товарищ у него оказался попроще, очки носил обычные с диоптриями, брюки имел вельветовые и аккуратно-поношенные, рубашка тоже ничем не выделялась.

Не знаю, что забыли эти юные организмы в технаре почти в середине лета, но я оказался им рад. Почему? Потому что пора начинать свои коммерческие махинации и разжиться хотя бы какой-то ходовой валютой.

– Мужчины!

Не помню, как нужно к таким обращаться, чтобы не задеть, но в их годы, да со старательно отращиваемыми смешными усиками второго, точно должно сработать. И сработало.

– Вы нам? – «мажор» смотрел на меня несколько удивленно.

– Вам. Здорово, пацаны.

Не ошибся, не смутились, руки пожали, тут корона не в ходу.

– Подскажите, где тут у вас какой-то замечательный рынок?

– Не очень он и замечательный, – почему-то чуть покраснел второй.

– Не Болгарка, – сплюнул первый, «мажор». – А вам за чем?

– Слышал про Болгарку, – покивал я с видом знатока, не соврав. Про Болгарку, вещевого рынок у Куйбышева, с фарцой, джинсами, спортивными костюмами, пожеванными журналами немецкого порно из-под полы, польской косметикой и прочими товарами первой необходимости, впрямь слышал в это же время и даже запомнил.

– Да...

Я достал из кармашка рюкзака собственные очки, достал медленно, давая им возможность заценить свою, фильдиперсовую для 88, торбу и нацепил на нос. Очки, кстати, такая же копия Рей-Бан, пусть и старше на тридцать лет. Наклеек не имеется, опознавательные знаки окончательно стерты за три года применения, безопасны к использованию.

Наверное, будь я персонажем модного жанра реал-РПГ, сейчас прямо перед глазами должно всплыть оконце с надписью типа «+100500 к Хитрости, получены 50 доп-очков опыта». Только тут не игра.

«Мажор» мой маневр явно заценил, его товарищ оценил вторые «капли» на полкилометра в округе и чуть загрустил. А я продолжал ритуал втирания в доверие и, закинув рюкзак

на плечо, достал сигареты.

– Покурим?

Юноши, явно радуясь халявному «кэмелу», кивнули и почему-то смущенно закрутили головами вокруг. Я решил проявить дипломатичность:

– Палят технарские?

– Да, – кивнул «мажор». – Дома предки, в технаре преподы с завучами.

– Отойдем?

Юноши согласились и, спрятавшись за углом парковой ограды, мы курили. Юноши нервничали меньше, хотя второй то и дело оглядывался через плечо.

– На рынок мне зачем? – Я пожал плечами. – Да случилась тут... неприятность в поезде. Пришлось сойти в вашем чудесном городе, потратить оставшиеся после, мм-м... ресторана лаве на звонок в Куйбышев, другу. А он приедет только вечером, хочу сходить, посмотреть, может, чего получится.

В чудесных восьмидесятых, живших без Интернета и сетевых поливаний грязью, за слова еще отвечали. Потому юноши, явно воспитанные, лишь понимающе-лошадино мотнули головами.

– Кстати, мужчины... – как бы вспомнил я. – А в вашем, скажем так, прибежище знаний, имеются же студенческие билеты?

– Само собой.

– Ща.

Корку с удостоверения снял в кармане рюкзака, от греха подальше. И явил юным советским душам, трепещущим в ожидании ветров перемен, истинное чудо – мягкую пластиковую обложку для стандартного документа, что у студента, что у железнодорожника. Фишка крылась в цветах корки – во флаге Соединенного Королевства, юнион, мать его, джеке. Мужчины заметно повелись, на что, разглядывая понты в виде наклейки, я и рассчитывал.

– Потертая, юноши, но она прошла со мной от Лондона, где купил, до Лиепайи, от Находки до Кейптауна, от Новоросса до Рио-де-Жанейро и ничего с ней не случилось.

Корку я приобрел с десяток лет назад в задрипанном ТЦ, но зачем им об том знать, верно? Косим под понтового моряка дальнего плавания, должно прокатить.

– Клёво... – протянул второй и в его взгляде, бронированном толщиной диоптрий, явственно читался силуэт крепкозадо-миловидной Нины-Светы-Нади, сраженной эдакой фирмовой красотой в его руках.

– Ну... – ожидаемо протянул «мажор». – А сколько?

– Я бы спросил честный советский червонец, памятуя о восьми отданных фунтах, но, в связи с потертостью... пятёра.

Жадничать не стоит, тупо, червонец-то на самом деле хорошие деньги.

– А чего за поезд? – явно на всякий случай спросил «мажор».

– С Владика ехал, четыре месяца отпуска положено теперь. Так торопился, что даже бороду оставил. Так чего насчет честного предложения, мужчины?

«Мажор», сволочь такая, ожидаемо-деловито скучал, сбивая цену. Ну, так, родной, я тоже не пальцем деланный и при любом раскладе есть твой дружок. Тот не подвел.

– У меня есть... – он вполне ожидаемо запнулся. – Три!

Я, не менее деловито, задумался и даже пошуршал пальцами в бороде. Но понты пересилили жадность. На свет появилась заветная голубая бумажка с цифрой «пять».

– Отличный бартер...

Хотелось даже оскалиться в американской улыбке во все зубы, но передумалось. Обмен совершился, пятерка спряталась в карман, а я проводил взглядом удаляющуюся технарскую акулу с огорченной прилипалой. Отлично, кое-что появилось, а крендель явно не обеднеет. Такому прекрасному отпрыску приличный батя всегда отслонявит ещё.

И хорошо, что попались именно воспитанные парни с нефтяного, а не парочка четких, дерзких и резких с ПТУ. Те и тогда, то есть сейчас, были именно такими.

Первую часть неожиданного квеста, свалившегося на меня, вроде бы прошел. И, куда увереннее, чем десять минут назад, двинулся дальше.

Глава 3

– Да скинуть Горбача... и все, ...!

Дядька, в белой кепке, разномастных брюках с пиджаком, немолодой, с красно-загорелым лицом и шеей, сплюнул. Пожевал «приму», махнул рукой и взял свою кружку с квасом. Мужики, стоявшие вокруг, зло и молча кивали.

Продавщица, подкрашивающая губы, вздохнула и картинно отвернулась от них. Квасу хотелось неимоверно, но давать пятерку ради кружки квасу, знаете ли, глуповато. Ладно, еще попробую, вспомню молодость. И, не задерживаясь, пошел дальше, думая о мужике, Горбаче, разговорах и будущем. Не рановато ли поносят Михал Сергеича? Я-то, почти вот так, только у хлебного, услышал такие же слова позже, 89 или 90, не помню точно.

Пришел к бабушке, говорю – так мол, да так, как же это, Горбачев, туда-сюда, угу. А бабушка взяла и отправила траву курам собирать. Вот так, значит, и поговорили.

М-да...

Кинотеатр снова остался за спиной, а на перекрестке решил пойти дворами. Неподалеку ментовка, и хотя они точно есть на самом рынке, встретить лишний раз сотрудников по дороге – не очень хочется. Дворы тут путанные, с сараями и гаражами, пройдешь так, что мало кто заметит. Договорились же с интуицией, так вот и не светимся лишний раз.

– Саша-а-а! Обедать!

Саша выскочил из-за гараже-сарая, с дыркой на колене синих трико, в майке с номером-переводилкой, одна щека грязная, другая расцарапанная. Выскочил, обернулся:

– Пацаны, пошли, у нас котлеты!

Пацаны, количеством двое, на штурм котлет отправились трусцой, по-военному прижимая локти к бокам. Любо-дорого посмотреть, точно вам говорю. Я хмыкнул и пошел дальше, время поджимало. Почти половина двенадцатого, надо торопиться.

Первые нервишки утихли, гулялось спокойно и с интересом. Не надо думать, что опыт с обложкой легко повторится и дальше. Продать с рук на рынке, в Перестройку, несомненно можно. Вопрос только – что, за сколько и кому. Потому-то рынок и выбрал, надеясь именно на него и имеющееся барахло.

Весьма полезным оказался последний приезд домой, как оказалось. Сыну вдруг потребовались «Три мушкетера» и мне показалось самым умным решением взять своих, старых, с рисунками Кускова, теми самыми, что делали книгу в два раза интереснее. И, заодно, ностальгически вздохнув, прихватил сиренево-черный томик «Королевы Марго».

Сын с трудом освоил все криминальные приключения ОПГ бравых горцев с юга Франции, а я вдруг понял – прошлого не воротишь. Перепетии бедных католиков, вынужденно кромсавших гугенотов, а также отдельные истории Ла

Моля с Коконнасом не зашли. И захватил книги с собой, поехав к маме. Две книги Дюма, конец восьмидесятых, это ли не счастье на безденежье? То-то и оно.

У рынка, как водится, входов имелось несколько: центральный (с воротами), второй такой же, но со стороны трассы и практически дырка в заборе (прямо там, откуда я вышел). По какому-то негласному правилу возле дырки ментов никогда не наблюдалось. И это сейчас мне на руку и никак иначе.

Где-то орал «Мираж», а в стороне мясного павильона ритмично задавал тон Майкл Джексон. Людей оказалось немало, порадовав меня. И тут...

Беляшами потянуло сразу, как оказался внутри. Потянуло так до чертиков знакомо, что внутри все скрутило. Беляш, так-то, штука простая, кусок теста, кусок фарша, немного, или наоборот, лука, в масло, вуаля – готово. А не скажите, сами же знаете, что все немного не так. В моем детском возрасте семьдесят восьмом рыночные беляши мне не давали, и опробовать вышло только старше. Но даже тогда, в девяностых, купи три штуки и собери котенка, делали вкусно. Потому и запах знакомый.

Но, как известно, делу время, а обед по распорядку. Ну, кому-то по расписанию, а на дворе еще и двенадцати нет.

Этот рынок был все же не таким, как помнилось. Я помнил лихие-святые, с их клетчатými сумками, полосатыми и желто-зелеными палатками, кучей разномастного товара,

цыганами-люля и рядами, забитыми торгашами. Тут оказалось немного иначе. Палатки стояли, но скорее напоминали небольшие киоски, а основная масса сторонников ненатурального обмена занимала сварные длинные прилавки с навесами. Хотя мне, так-то, куда нужнее кирпичная кишка неподалеку, с ее сборищем аквариумистов, попугаефилов, хомяководов и, само собой, суровых рыбаков с туристами.

Но сперва стоило скинуть с рук кошерный печатный товар и. желательно, по сходной цене. А книгами, само собой не новыми, торговали вроде бы в двух местах.

Я не подходил близко, вполне понимая – законы бизнеса еще не сильно волчьи, но кто-то уже коммерсантов, если можно так сказать, и доит. Налететь не стоит, просто нужно аккуратнее. Отыскать подходящую личность, убедить в прямой необходимости помочь мне материально в обмен на бесценные сокровища. У одного, к слову, сокровища, не хватало первой и последней страниц, пришлось выдрать из-за дат. Обидно, но ничего не поделаешь.

Её я заметил сразу. Да и поди не замети такое, ласкающее глаз всем своим скромным интеллигентным стилем. Ну, что может искать эта миловидная женщина возле книжных лотков в конце восьмидесятых? Либо фантастику, либо «Анжелику», скорее всего – второе.

– А у вас нет «Графа Монте-Кристо»? – удивила меня стильная женщина.

– На следующей неделе. – буркнул продавец и сердито по-

шевелил усами.

Ему не понравилось, что покупательнице не пришились по душе ни «Стрелы Перуна» Григорьева, ни два совсем новых сборника «Школы Ефремова» ни даже, пусть и в мягкой красной обложке с космонавтом, «Звездные рейнджеры» Хайнлайна. Горький, Пушкин и остальные классики точно остались в полете.

– Хорошо, – немного огорченно кивнула она и пошла в сторону выхода.

Я догнал её, когда до выхода оставалось метров пятьдесят.

– Извините, пожалуйста.

Хорошо, что не додумался взять за локоть, придерживая.

Она, наверное, задумалась и оглянулась на меня испуганно.

– Да?

– Вы интересовались «Монте-Кристо».

Это утверждение, если что, а не вопрос. Не надо давить, нужно просто быть вежливым и настойчивым.

– Да. А что?

– У меня есть две книги Дюма. Не про графа, но...

– А что у вас?

Интерес есть, прекрасно.

– Три мушкетера, иллюстрированные Кусковым и... «Королева Марго». В полном издании.

Для счастья порой нужно немного, здесь и сейчас оказалось достаточно книги про бедную Маргариту Наваррскую, не более и не менее.

Торговались мы недолго, из-за вырванных страниц сошлись на целых пятнадцати рублях за обе. Стильная интеллигентная смогла удивить, держа наготове двадцатку одним червонцем и двумя пятерками, но отторговавшись с удачью цыганки. Я не спорил, совершенно не хотелось. За полчаса мое небольшое состояние превратилось в двадцать рублей и меня это устраивало.

«Да вы просто роскошный сукин кот! +50 очков опыта, +50 к Очарованию». Смешно? Да куда там.

Мы распрощались и я отправился менять внешний вид, пусть и всего процентов на тридцать. Но это лучше, чем ничего.

Завернув за угол кирпичной кишки, прячущий за собой поклонников спиннингов, блесен, мормышек и прочей снасти, встал. Удобно, рассматривая степенно торгующих мотыля, лески и крючки солидных дядек. И нужный, вроде бы, отыскался сразу. Сидел себе на раскладном деревянном стульчике, листал «Советский спорт», покуривая и попивая чаек из кружки с ручкой, аккуратно обмотанной суровой ниткой. Ну, приступим...

– Вот этот бери. – Он показал мне на анорак, «горку», чуть вытертее остальных. – Не наглей, паря.

Я вроде и не наглел. Договорились мы быстро. Мой китайский складной друг, рюкзак и черная кофта ушли за неплохую сумму, обычный, да-да, «Азимут» и эту самую

«горку». Плюс походную вилко-ложку, потертый советский складной нож и флягу для воды.

– А я ему с ноги!

На такие лихие слова не стоит поворачивать голову, но сказавший со-товарищи двигались точно ко мне. Так...

– Здорово, Палыч.

– И вам не хворать, – сказал продавец. – Ищете чего?

– Да нашли уже, так, поинтересоваться подошли.

Я встал, обернулся.

«Афганцы». Совсем молодые пацаны, один в песочке, второй в штанах от нее и майке-борцовке, весь в мускулах, с факелом и горами татуировок. Третий, стоявший позади, в джинсах и тельнике. И этот у них главный.

Я стоял, рассматривая их, они рассматривали меня, спокойно и оценивающе. Интересно, что вот так можно рассмотреть? Бородатый мужик, в странных около-военных брюках, с неплохими очками, закончивший то ли покупку, то ли обмен. Докапываться им не с чего, парни трезвые, да и я старше их почти в два раза, с чего?

«Афганцы» моего детства мне совершенно не казались плохими, опасными или типа того. Мой дядька, кстати, вот-вот должен уйти на дембель, прилететь «из-за речки». Где он там стоит? В Гардесе, кажется.

– Служил? – спросил накачанный, гоняя спичку по рту.

Интересно, с чего вопрос?

– Тебе не все равно?

– Ничо так заявка, – одобрил старший. – Мы так, поинтересоваться.

– Служил.

– А где?

– Не там, где вы, пацаны.

– А на чём?

Вот, надо же такому случиться? Опасался ментов, а прикопались вдруг воины-интернационалисты. На чем? Как там у них мою трубу звали? А...

– С сапогом бегал. Под соплом, под стволом, с выюками.

– Да ну? – по-настоящему удивился старший. – С каким бегал?

– Девять дэ-эм, обычным.

– ОГ с замедлителем были?

Да твою дивизию... Я достал сигарету, прикурил, убрав в кулак, уставился на него.

– Не знаю, как у вас там, а у нас замедлителей не имелось. Может, гранаты не той системы?

Заржали все трое.

– Нормально все, – старший подмигнул. – Мы так, проверить...

Сапог, труба, шайтан труба – СПГ-9М, станковый противотанковый. Шарашит, куда там обычному ручному, хочешь – не забудешь. ОГ – осколочные гранаты, дэ-эм – десантная модификация.

– Ладно, пошли, пацаны. Если чего – обращайся.

Заприметив лоток трикотажа, выставленный на рынок от ОРСа, пошел было туда. Начал рассматривать носки и, пожалуй, просто самые... прекрасные трусы, виденные в жизни, когда...

Знаете, когда по затылку ползет такая колючая точка, цепляющая и не отпускающая. Ну, когда кто-то вас упорно рассматривает. Возникает редко, но не ошибешься.

Хорошо, попробуем осмотреться, глядишь, что пойму. Не знаю, кому так понравился мой затылок, но ощущение мне не нравилось. Ну, кто у нас тут?

Справа торгуют сушеными карпами какие-то пенсионеры. Рядом – бабулька с вязаными носками, потом тот самый букинист без «Монте-Кристо», потом желтеет свежая картошка и какая-то тетка уверенно машет руками, доказывая свою правоту на торговлю. А, да, это же кусок рынка для пенсионеров. Слева...

Тетка доказывала свою правоту ментам. Молодой, высокий и худой, кивал, соглашался и поигрывал за спиной резиновой палкой. Второй, в возрасте и усатый, стоял боком и.

Мы уставились друг на друга. Ага, вот, значит, кто любопытствовал моей персоной. Понять бы с чего, но потом, сейчас пора начинать валить.

Если пойду к дырке в заборе, так они пойдут за мной и, если захотят остановить, там самое место. Если двинусь к центральному входу, то их не обойти. Усатому достаточно

зайти с другой стороны прилавков, а молодому остаться на месте. Значит... значит уходим к рыбакам и пробираемся к боковому для автомобилей.

Я шагал вроде бы не торопясь, надеясь уйти и не попасть на проверку документов. Кто знает, с чего им вдруг понадобился мною интересоваться и почему не подошли сразу. Хотя... Букинист? Потерянная клиентка и стук-стук, я твой друг тем, кто присматривает за торговлей? О, тогда точно нужно валить, забираться в чужую кормушку себе дороже. Быстрее, добираемся до прохода между машинами, торопясь пройти, пока две «шестерки» не начали подъезжать за своим рыболовецким товаром. Получилось?

Усатый показался сзади, вцепился темными глазами, совсем как удав навалился тяжестью. Я, стараясь не подавать вида, удивленно покачал головой, рассматривая красавца-попугайчика и шагнул дальше, за угол. Оттуда прямая дорога к выходу, ведущему к трассе и дачному массиву. Если повезет, то...

Не свезло. Молодой, покуривая у открытой калитки и не пряча длинный ПР, шарил по толпе взглядом. До меня пока не добрался. Пока.

– Молодой человек, вы идете?

Я, стараясь не создавать пробку и привлекать внимание мента, шагнул вперед. Думай, думай...

ССД-1 (немного ностальгии)

Будь это совместный с Голливудом фильм, сейчас он явно стал бы классикой полицейского крутого детектива, лишь чуть уступая «Смертельному оружию», настоящему «Смертельному оружию», с Гибсоном и Гловером. Но на дворе стояла Перестройка, шел восемьдесят девятый, и «Криминальный квартет» оказался просто хорошим фильмом из советского детства, равно как юности или зрелости. Мои дед с бабушкой его как-то не поняли, но вряд ли от того кому-то стало хуже.

Мне было девять, мы ехали к родственникам на Урал, в Кыштым, мама купила толстый журнал про кино, а я умудрился перехватить его, что было не сложно. С нами ехала моя двухлетняя сестра и все мамино внимание оказалось отдано ей. Из статей запомнились три: «Танк Клим Ворошилов-2», «Делай раз!» и «Криминальный квартет». Каждый из них не оказался обойден руганью, пусть и интеллигентной.

Фильм с Караченцовым критиковали за насилие, образ милиции, не имеющий ничего общего с настоящей, выдуманную историю о мафиозной структуре, выросшей в министерство легкой промышленности с торговлей и за что-то там еще. Мне стукнуло девять, в вагоне мне купили у немого разносчика, они все были глухонемыми по какой-то причине, переснятый черно-белый коллаж из фотографий

Брюса Ли, я уже умудрился посмотреть «Конана-Разрушителя» и добрая советская патетика недавно любимого «Макара-следопыта» с «Финистом-Ясным Соколом», уже казалась пресной.

Фильм, как ни странно, показали по Центральному телевидению почти в тот же год, одновременно с показом в кинотеатрах «Фаната», где жестокости, мафиозности, надвигающегося беспредела девяностых и прочего, не менее некрасивого, было больше. Но хаяли, почему-то, «Криминальный квартет».

Недавно, или уже давно, сейчас полгода порой кажутся пятилеткой, его крутили на каком-то из кабельных каналов. Я был у мамы, читал одну из любимых книг своего детства, «Республику ШКИД», и тут увидел разговор на кухне, где герой Стеклова курит одну за одной, а Сарай и Муха, суровые перестроечные мусора СССР, рассказывают, что ему делать. Видно, работники прокуратуры тогда были совершенно иными, ведь Стеклов играл как раз такого.

Дальше я смотрел с интересом и неожиданной ностальгией, жалея, что пропустил момент, где молодой Борис Щербаков, играя мастера-стекольщика, зверски арестовывает двух каких-то упырей. Но я знал, что впереди еще две настоящих жемчужины и потому не переключался.

Мое советское детство совершенно не было безоблачными, с кисельными берегами, розово-алыми единорогами, украшенными серпом с молотом, с хорошими милиционе-

рами, улыбающимися и помогающими старушкам, с врачами Айболитами, умеющими лечить корь, почечные колики и триппер щелчком пальцев и добрым словом. Не, ни фига. Но доброго там хватало.

«Криминальный квартет», как и многие конъюнктурные фильмы того времени, показывал прячущуюся и всем знакомую изнанку прогнившей советской бюрократии, единственно виновной в смерти первого настоящего Города Солнца. Это понимаешь уже взрослым, а тогда нам нравилось иное, та самая пара жемчужин.

Здесь хитрый Сарай, подвесив под потолок какого-то мелкого жулика, ломал спектакль, типа охаживая того резиновой палкой ПР-1, жулик орал, проводимый мимо важный свидетель-стукач пугался, и хорошие, «наши», менты получали нужную информацию.

Тут Караченцов, много лет озвучивающий крутых героев Бельмондо, очень хотел сам стать таким же. И у него получалось на все сто, глаза горели, он бил ногой с разворота не хуже Чака Норриса, а все преступники, завидев его, заранее проигрывали, обделавшись в штаны от понимания крутости героя, появившегося перед ними.

Главным же, чего частенько не хватало и не хватает западным фильмам, тут была дружба. Дружба бывших детдомовцев, выросших и не оставивших ее за бортом. Дружба наша, с песочницами, с футбиком, где ворота – два тополя, с речкой, куда надо сбежать, с дракой против пацанов из соседне-

го района\улицы\дома, со строгими, но добрыми учительницами и всегда выслуживающимися паскудами завучихами, с той самой газировкой за три копейки, когда вдруг копеек шесть, а вас четверо, но вы делитесь по-братски, и не стакан на двоих, а один граненый на четверых, чтобы честно.

Это вот и оказалось в фильме главным. И не совсем ясно, поняли ли прекрасные советские актеры, что лучше всего они сыграли героев, не показанных на экране, но понятных каждому и каждой?

Глава 4

Сзади скрипнуло.

– В машину!

Сине-белая «Авиа», блестящая как новенькая, с парнями-афганцами, вот так сюрприз. Отказываться в моем положении грешно, я и не отказался.

Дверь оставила за собой шум, закрывшись наглухо. Звук шли только через опущенные стекла в кабине, а в самом фургоне оказалось тихо и темновато. Пахло землей, луком, чем-то чуть подгнившим и сладким. Сладким несло сильнее всего и немудрено – внутри машинёшка, поступавшая в Союз из ГДР, забита ящиками с мешками. Картошка, капуста, само собой лук и яблоки, сливы, даже груши с абрикосами.

– Вас трое? – прилетело спереди.

– А не видно? – не очень вежливо ответил качок в борцовке и прибавил звук магнитофона.

Розенбаум, от имени пилота, пел про цинки, Афган и черный тюльпан с водкой в стакане. Машина мягко дернулась вперед, оставляя за собой, судя по всему, молодого мента, рынок и мой первый экстрим.

– В Шинданде, Кандагаре и Баграме...

Покачивало, афганцы как забыли про меня, обсуждая какого-то синего, или Синего, черт пойми. Я смотрел в их затылки, слушал чуть ленивый базар ни о чем, пытаюсь понять

– зачем оно им? Помочь непонятному чуваку, так открыто палившегося перед ментами? Черт знает, на самом деле, а на их месте мне точно не оказаться, понимая эти доводы. У них своя война, свои мысли, свои поступки, за спиной, сейчас и впереди, в... в будущем.

– Тебе куда? – обернулся командир.

Куда мне? А...

– К стадиону.

Если говоришь о стадионе, говоришь о «Нефтянике». «Олимпия» и есть «Олимпия», в городском спорте участвуя постольку-постольку.

– Мы по Гагарина проедем.

– Хорошо, на Отрадной выйду.

Ответ не комментировался, парни вернулись к обсуждению каких-то своих перепетий, а я старательно не подслушивал. Не хватало узнать ненужное и, кто знает, чем-то опасное. Пользуясь парой-тройкой минут спокойствия, достал деньги, сложил пачкой и убрал по разным карманам. Пятерку в задний, остальное в боковой.

После шахер-махера с серьезным рыбаком, дела поправились еще больше. После торга, с взвешиванием за-против, прикидок моего и своего барахла, не говоря о кручении в руках ножа, дядька одарил меня всем шмотьем, имеющимся теперь в наличии и полтинником. Хорошо, что в виде пяти рыжих бумажек. Итого вышло солидно, в карманах обрелись семьдесят рублей, жить можно.

Библика мягко остановилась. Приехали? Да, в лобовом виднелся нужный перекресток с красно-кирпичными домами.

– Карбюратор не сосает, маховик земля бросает, – качок подмигнул в зеркало. – Пассажирам приготовиться на выход в затыжном прыжке.

– Спасибо.

Он кивнул.

– Вы ежайте, сам доберусь. – командир вышел вместе со мной. – Делайте, как договорились.

Осталось дождаться – что он скажет мне. Вряд ли захотел зайти на рыночек чуть дальше и прикупить кулек с семками у бабулек.

– Почему помогли?

Командир пожал плечами.

– Десант своих не бросает.

– Я не ваш, пехота.

– Да и похрен, – он улыбнулся. – С шайтан-трубой бегал...

Воевал?

– Воевал.

– В горах?

– Внизу в основном.

– Ну, и хорошо. Ты аккуратнее, смотри, чересчур заметный. Чего с ментами не поделил, продал не то и не тому?

– Типа того. Стой...

Почти последняя из мелочей, оставшихся со мной, появи-

лась на свет.

– Держи, кожа натуральная, маде ин юэса. Этот, как его...

Хилфиджер, фирма.

– Подарок?

– Типа того. Слушай, а откуда у вас ягоды с фруктами сейчас?

– Украина, с Черновцов таскаем, еще кое-где берем. Начали с мандаринов, пацаны абхазские помогли.

– А как торгуете?

Командир закурил, предложив «мальборо». Дела у парней идут неплохо, такая пачка сейчас рубля полтора-два, наверное, если правильно помню отцовские разговоры с напарниками.

– Комсомол помог, сделали разрешение. Да и название у нас хорошее, Союз.

– Ясно. А менты вас не напрягут потом?

– За что?

Он смотрел с таким непониманием, что я явно удивился, а ему с того ухмыльнулось:

– Хотели взять – фургон осмотрели бы, а так...

– Ну, давай. Спасибо еще раз.

– Бывай.

Мы не представлялись, руки пожали и разошлись. Точно так, как на любой войне, случайно с кем-то пересекаясь. Если судьба – так еще сведет, нет, так кысмет. Что там, что тут.

Не знаю, когда он успел, но в ладони ощутило-мягко за-

шуршало. Я посмотрел на профиль Владимира Ильича, на цифру «50» и... и не стал ничего делать. Такое в жизни случается, помогаешь кому-то, сам не знаешь почему. Окликать, говорить «спасибо», морально мучиться и все такое не стал. Резона имелось ровно два.

Я-теперешний, через год, буду ехать с Урала в плацкарте с родителями, от родственников мамы. С нами, слушая стальной ритм вагона, ехала семья башкир с Уфы, утверждавших, что они татары. Меньше суток они и мои родители будут общаться, немного выпивать и все. Они даже пойдут провожать их на вокзале. Когда вернутся и мама решит переложить сумку в освободившееся место, найдут с десяток банок сгущенки. Оставленных нам просто так, как в мультфильме про переходящий букет цветов.

А второй резон... На командире афганцев в наличии имелись самые настоящие Lee, а на ногах бело-зеленели фирменные «торшилы». Вряд ли полтинник ему то же самое, что мне сейчас.

Таким незамысловатым образом мой доход за несколько часов превратился в полноценную зарплату совслужащего, в сто двадцать рублей. Жить стало лучше, жить стало веселее.

Где-то в небе, из ясно-голубого тихонько становящегося серым, с тучами, с наливающимися грозой, треснул раскат. Воздух пах дождем, обедами из форточек дома и чем-то неуловимо-знакомым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.